

Аркадий Маргулис

Дилижанс для сумасшедших

В последние дни небосвод сердито льнул к земле, сжимая и без того чахлое пространство, зазор, примерявшийся исчезнуть со всем содержимым. Пропадет – что тогда?

Беспросветная сомкнутость туч порождала беспокойство – Гайк испытывал болезненную, сродни тоске, тягу забраться куда-нибудь подальше и поглубже. Темнеющая незавершенность океана, его набережная, почти безлюдная в это время, обретали черты вечернего оживления. Далеко раз за разом вспугивал сумерки маяк, мгновенно пробрасывая по воде яркое мерцание, прибрежные фонари, разом вспыхнув, впустую освещали тупики прогулочных маршрутов. Еще немного – и сюда съедутся велосипедисты, теснясь в стороне и притом исхитряясь помешать прохожим. Занимательная логика. Под любой хомут найдется шея: даже если заработок грошовый, за клиента предстоит побороться. Гайк ухмыльнулся, угрюмо пошелестел в кармане ассигнацией и взбодрил мелочь – так, чтобы звякнула. Все-таки у него дела обстоят чуть лучше, хватит и на чайничек чаю, и на пахлаву, липнущую ко дну блюда, и на пачку сигарет, непременно длинных. Это всегда отгоняло унылые мысли. Но не утешало. Главное не грызть себя из-за горестей эмиграции – раздражающей повседневности и гнетущей разницы между «там» и «здесь». Милому душе «раньше»: школа-университет-служба – противостояла постылая новь, к ней не привыкнуть – нужда ишачить в погоне за трепаным центом на платежи. И все сначала, и без конца – отпетая нищета наемного таксиста. Пусть жаль расставаться с монетой, с ней веселее, и все же Гайк свернул к озерцу, всего с лужицу, где на камне изредка и блаженно покрывали утки. Темнело.

Двери ресторанчиков, кафе, магазинов, галерей и салонов самоотверженно распахнулись, по запаху не заблудиться, и Гайк вошел в чайную напротив. Он любил это местечко – всегда садился к столику, откуда выглядывало озерцо. Что-то оправданное существовало в этой близости: в двадцати шагах бунтующая мощь океана и рядом, под рукой, наивно-домовитое пристанище. В действительности она – благодушная родственность – и составляла мир. Навсегда ли?

Стоило промолчать, но Гайк, пока симпатяга мексиканец выставлял на поднос чайник, блюдце и снимал с витрины привычно расцветенную пачку, подсказывал:

– Зеленый чай... пахлаву... «Next», длинные...

– О-кей... О-кей... – поощрительно улыбался мексиканец. Прimitивная хитрость – именно он когда-то подsunул идею, и Гайк наспех вымерил разницу между сигаретами в длине. Захотелось проверить. Впрямь выходило, что цена «длинных» по кругу все-таки отстает от «коротких». Немного, и все же Гайк по-ребячьи радовался, осознавая, что в сигаретной дозе выкуривает табаку больше и дешевле. Так не близнецы ли удовлетворение и самообман?

Чайная наполнилась посетителями, набрякла гамом. Гайк не торопился, смаковал пахлаву, пригубливая чай, прислушиваясь к беседе за соседним столиком. Армянская семья, говорили по-армянски. Не все понятно, неясно, из каких мест. Но на душе становилось теплее. Уходя, он приветственно попрощался с ними, они ответили, обрадовавшись ему, как знакомому. Вряд ли это изгой из родных мест, он распознал бы по акценту. Может быть, из Франции или Аргентины, путешествуют сами по себе?

У озерца с утками Гайк застал старого Шона, уже завершившего обход закоулков и в одиночестве переводившего дух на скамейке. Год за годом его, ветерана, все не увольняли из полиции – воздаявая должное боевым заслугам. Поговаривали, что он геройски воевал в молодости, теперь униформа топорщилась на нем, выказывая никчемность брэнного перед вечностью. В любом возрасте не грех помечтать – несмотря ни на что иногда сбывается. Недавно Гайку повезло снять квартиру вблизи Армян-

ской церкви, и недорого. «В субботу обязательно схожу в храм», – пообещал он себе, здороваясь с Шоном:

– Рад видеть! Как поживает гвардия? Какие новости?

– Пока ничего, мой друг, – ответил Шон, – но есть одна хорошая – тебя встретил. Больше ничего, кажется.

– Даже не припомню, когда виделись в последний раз, – подержал Гайк с облегчением, – почему-то получается реже и реже.

– Как раз наилучшее из всего, что получается, – сказал Шон.

– Такое чувство, что на этом все держится, – согласился Гайк.

– Ну да, на нас с тобой, – улыбнулся Шон, – и на остальных таких же простаках, как мы.

И они расстались, преисполненные умиротворенности, может быть, благословенной Господом Богом. Рядом празднично светился салон, художественная галерея, – Гайка всегда тянуло сюда к полюбившейся картине. Выразительное полотно: посреди дороги, взлохмаченной проливным дождем, мчался, оттесняя автомобили, почтовый фургон. Стлались в бешеном беге кони. Судя по цене, ее создатель, художник с необычной фамилией Флойхр, уже знаменитость. Еще бы, нешуточная сумма. Консультант, мисс Криста, впервые рассказав о деталях, после всегда удалялась, оставляя Гайка наедине с романтической загадочностью холста. Лишь изредка позволяла себе задержаться и как-то вручила Гайку визитную карточку, написав на обороте номер мобильного телефона. Вместе это вызывало в душе Гайка невнятное предчувствие удачи, тонкий росток, пробивающийся к солнцу. Разве не случаются в жизни и более редкие вещи? Он стал заходить в салон не только из-за картины, но и ради мисс Кристи. Но сейчас навстречу повеяло отчуждением. Плеснуло навязчивостью от направившейся к нему девушки. В салоне, кроме нее, никого не было. Он сразу же отвернулся – ему претило общаться с нею вместо мисс Кристи. Предвкушение встречи улетучилось, как мираж, – он вышел и побрел к стоянке, где оставил машину, такси бело-зеленой раскраски.

От дороги аллею ограждал забор, ажурное хитросплетение, за ним под клеенчатými навесами и картонными коробами, на смерть притороченными к опорам, копошились бездомные. Убогое лежище обездоленных. Казалось, ожившая сеть выловила

из гибельной пустоты отчаявшихся выжить и вытащила напоказ как предупреждение, укор или даже проклятие благополучию. Гайк выбрался на автостоянку, к машине. Мимо по аллее в се-ребристой сумятице огней пронеслась сцепка силуэтов. В одном из них Гайк узнал Лендмайна. В будни приходилось туго, клиен-тов на всех не хватало, Лендмайну же везло чаще. Вот и сейчас он в шальном, вовсе не для прогулки темпе увез седока, судя по абрисам, женщину. Лендмайна побаивались – не только кол-леги велорикши, но и таксисты, официанты, воры-карманники, бездомные, кто ни попадался под руку. Обычно Лендмайн, вски-пая по пустякам, бешено дрался, за что и получил свое прозвище, означающее «фугас». Врагов хватало, друзей, исключая Гайка, не находилось – к тому же оба оказались земляки, одинаково неистовые в ностальгии. Кто знает, отчего на пути у них возник этот город – мало ли их на тихоокеанском побережье Калифор-нии? Весь на приютивших спальные околицы холмах, разделен-ных путепроводами с причудливыми лотосами развязок. Честью припасть к океану обладала лишь его административно-деловая часть, Нижний Город, выглядевший вечером или ночью таинст-веннее прочих.

Умостившись, Гайк запустил двигатель, вырулил на дорогу. Поехал медленно, поглядывая по сторонам, – мимо зданий, на-ряженных в рекламу и книзу непритязательных, мимо автомоби-лей, перекрестков, светофоров и прохожих, покорных вечернему ритму. Телефон не издавал ни звука, оставалась случайность – вдруг кто-нибудь подаст знак, тогда можно будет, выслушав за-каз, отвезти клиента. Но чем глубже он внедрялся в дебри горо-да, тем глуше становились улицы. Пришлось возвращаться. Гайк развернулся и пустился обратно, к набережной, иным маршру-том, но все-таки сомневаясь – не лучше ли старым? Поблизости от вокзала у двухполосной тусклости рельс Гайк услышал цо-кот – так шелестит о дорогу колесо, подцепившее занозу. При-шлось остановиться у обочины под фонарем, чтобы лучше рас-смотреть причину. Вышел, присел на корточки, пошарил и вы-тащил из подкрылья прибившийся пакет. На душе посветлело. Смешная безделица. Достал примятую пачку, с желанием заку-рил. На скамейке под фонарем скорчился бродяга – кто другой

мог оказаться здесь? – склонился, несуразно прижав туловище к бедрам, так, что голова повисла ниже колен. Гайк подошел поближе, наклонился, прислушался – бедняга беспечно сопел сквозь сон. Разве не случается хотя бы во сне найти покой? Пусть. Гайк, выложив на скамейку пару сигарет, подумал: «Избавь, Господи... Но если придется... Смог бы так же?» – и не почувствовал в себе ни отклика, ни созвучия.

Маневровый локомотив, как в насмешку, вяло толкал караван вагонов, платформ и цистерн – что машинисту в его кабине застрявшие у шлагбаумов автомобили? Гайк возвратился в машину, в досаде повернул в сторону – не загорать же на переезде вечность. И чуть отъехав, увидел то, ради чего околачивался здесь, отчаявшись найти. Неправда, что Господь не слышит мольбы. На трамвайной остановке суетилась женщина, дорожная сумка на тротуаре. Нетерпеливость, жаждущая удовлетворения, не выглядела бы убедительней. В груди Гайка вздрогнуло ликование. И развернув машину, он подъехал.

– Славный вечер, мэм, – сказал, выйдя, – куда поедем?

– Умоляю вас... Поторопитесь... В аэропорт, куда же еще, – взволнованно обронила женщина голосом, никак не помещающимся в тишине, – мой самолет... времени в обрез...

Она хоть и выглядела посторонней в городе, но столько же исключением – настоящей жемчужиной среди тривиальностей, вот что не ускользнуло бы от внимания, даже от беглого взгляда.

– Не так уж мало, не так уж мало, – старался успокоить ее Гайк, помещая сумку в багажник, – мы обязательно успеем, уже ночной режим, взгляните-ка, все светофоры зеленые, красные – на секунду.

И дождавшись, пока она разместится на заднем сидении, прихлопнул дверцу, вернулся за руль и отчалил. Теперь добыча в руках, серьезный куш, рейсы в аэропорт в цене. Можно будет доверху залить в бак горючее, и еды на пару дней хватит. Даже отложить впрок, чтобы всучить хозяину окаянную сотню за его ржавый мотор. «Везет» – это когда вовремя оказаться в нужном месте, – пронеслось в голове Гайка, как всегда в таких случаях. – У этого заносчивого ашкеназа всего-то заслуг, что оказался здесь на год раньше. Начал с извоза, теперь у него двадцать

машин – с водителя сотня, за неделю пара тысяч в кармане». Он мельком взглянул в зеркальце над передним стеклом. Женщине не сиделось. «Суматошная девка», – подумал Гайк. Она, почувствовав его взгляд, приблизилась, положив руки на спинку переднего сиденья.

– Нельзя ли побыстрее, в самом деле? – спросила. – На спидометре всего семьдесят.

Чугунно налетел тоннель. В его залитой светом утробе, урча, мчались встречные и попутные машины. Таким обильным выглядел бы увеличенный во стократ игрушечный аттракцион.

– Видно, вы нездешняя, – ответил Гайк с видом знатока. – На самом деле это мили, что-то около ста пятнадцати километров в час.

– Нездешняя? Вот еще, – сказала она почему-то с пряной усмешкой. – Правда, жила в Амстердаме. Немного в Лондоне... Варшаве... Мадриде... Это все Европа.

– Приходилось и мне бывать в Амстердаме, – подхватил Гайк, стараясь поддержать разговор. – Удивительный город, там чувствуешь себя птицей в полете. Снова туда?

– Нет, сначала в Париж, и уж затем в Канны, – ответила она, – на кинофестиваль. Франция, Лазурный Берег, много солнца, море. Несомненно, я выиграю в своей номинации. Подпишу роскошные контракты. Вот почему важно не опоздать. Именно поэтому.

Гайк хотел ответить, но его всполошил красный спортивный «додж», хищно промчавшийся мимо. Вдруг показалось, что в его учуявшем погоню чреве унеслась мисс Криста, мелькнул ее абрикосовый профиль. И сразу же, впритирку сигнала, накатился «кадиллак» – зефирное облако с гремящей из опущенных стекол Аппассионатой. Машины некоторое время шли рядом, нос в нос, чужая светящейся капсулой чуть впереди. Внутри в уравновешенности ее мирка целовались двое мужчин, водитель в обнимку с пассажиром, нафаршированные равнодушием ко всему, что снаружи. Гайк украдкой взглянул в зеркальце. Женщина во все глаза рассматривала геев. Не просто с интересом, а с обнаженным сочувствием или, может быть, с соболезнаванием. Гайк, всегда брезгливый к противоположеству, не удержался, нажал на клаксон и, когда оба любовника посмотрели в его сторону, не-

возмутимо сплюнул в окно. В худшем случае это выглядело двусмысленно, не более. «Кадиллак» сорвался и резко ушел вперед. Начатый разговор оборвался. Девушка сидела, задумавшись, склонив голову. Несомненно, что-то произошло, стало как-то темней и тише. Уже дробясь, пробилась огни аэропорта. Гайк вырулил наискосок на свободную площадку, где можно было посадить клиентку. И вышел, чтобы достать багаж. Девушка тоже выбралась и стояла в ожидании рядом. Что-то случилось, но не настолько же бесповоротно. И когда она выпрямилась, поднимая сумку, Гайк забеспокоился:

– Мэм, я привез вас в аэропорт. Вот он.

– Да, правильно, аэропорт, – согласилась она, ступая на тротуар. – Спасибо, очень вам признательна, скоро посадка в самолет.

– Мэм, раз аэропорт здесь, и мы впрямь успели, осталось уяснить, как же с деньгами? – наклонился Гайк, чуть разведя руки в стороны, сокрушаясь, что она и не думает порыться в портмоне.

– С деньгами? – переспросила она так, будто речь шла о прошлогодних обносках, и настойчиво посмотрела ему в глаза. – Наличных у меня с собой нет.

Объявили посадку в Париж. Гайк почувствовал, как бесповоротно тоска расплзлась в теле, во всех его извилинах. Не знал, что еще предпринять, не уезжать же ни с чем. С порожним баком, худым карманом и урчащим желудком. Как заплатить хозяину, что объяснять – ведь не поймет. Оглянулся, будто за помощью, словно кто-то мог подсказать, как быть. И сразу заметил, что сюда, к нему, направились двое полицейских. Женщина не ухнула, оставалась на месте. Куда ей деваться перед лицом закона? Полицейские остановились рядом, рассматривая Гайка.

– Что-то не так? – спросил один из них. – Здесь долго стоять нельзя.

– Да, сэр, – ответил Гайк, – еще немного возьмет времени, пока получу свои деньги.

Второй полицейский скользнул лучом фонарика по ногам женщины.

– Боюсь, ничего не выйдет, – сказал он, – я знаю ее, она часто приезжает сюда и никогда не расплачивается. Бродит здесь, по-

том трэмпом добирается обратно. Обитает где-то возле набережной – там подобрал ее?

– Верно, у железнодорожного вокзала, – уточнил Гайк.

– Сочувствую, плакали денежки, – сказал полицейский, – могу составить протокол, но это пустышка... Кстати, как там старина Шон, все еще патрулирует набережную? Раньше мы с ним ходили в напарниках. Времена другие, я слышал, теперь он работает один. Передавай ему привет, если встретишь.

– Передам, когда встречу, – ответил Гайк, посмотрев на девушку.

Полицейские ушли. Женщина покорно оставалась на тротуаре. Первый порыв Гайка – уехать без слов. Он ясно понял, что говорить что-либо, убеждать, толку нет – эта первая вспышка погасла, в любом случае придется уезжать. В душе змеился червь сомнения и надежды, было не по себе оставить ее здесь. Вдруг никто не подхватит обратно?

– Возвращаюсь, – буркнул Гайк, – могу подбросить в город... до первой улицы. Дальше не по пути.

Верно, пора ехать, отсюда рукой подать к дому. Она кивнула согласно. Он поднял с тротуара сумку, сунул в багажник. Сел в машину, дождался, пока она захлопнет дверь, и рванул с места. Сегодня не удастся сберечь ни цента на оплату машины. Вспышка злости пронзила его. Еще бы! У всех свои проблемы, не хватало взвалить на плечи чужие. Проучить надо эту овечку – на кинофестиваль в Канны вздумала кататься! Высадить на трассе между аэропортом и городом, пусть покукует, может, отучится бесплатно ездить. Посмотрел на нее. В полумраке виднелось, как хрустально блестящие у нее глаза. Не поймешь – сухо или в слезах ресницы. Она плакала – бесшумно и одиноко. Спазм перехватил Гайку дыхание. Он сконфуженно закашлялся. Откуда истекает жалость, из каких тайников души?

– Хочешь, отвезу туда же, к вокзалу? – тихо спросил Гайк.

Она бессильно всхлипнула. Дальше ехали молча, электризуя немотой пространство, пока ее рука не тронула плечо Гайка.

– Знаешь, – сказала она, – те двое в машине, парочка голубых, они не виноваты.

Он посмотрел на нее в зеркальце.

– Какое мне дело до них? – безнадежно передернул плечами.
– Конечно, но я чувствую их, потому что они больны... И вряд ли меньше, чем я.

Ему вмиг стало все ясно о ней. Мало ли людей с психическими расстройствами? Видно, она – одна из них. Разве болезнь разбирает, чья вина навлекает беду?

– Дома не хватятся? – спросил Гайк вовсе не из любопытства, своих проблем не сосчитать.

– Нет, муж знает, – прошептала она. – Он отпускает меня. Провожает, если может. И встречает, всегда звоню ему на мобильный телефон, когда возвращаюсь.

И она принялась звонить. Экран мобильного высветлял очертания лица. Город дремал. Ничего странного, именно в этот час переплетение улиц казалось Гайку паутиной, представлялось, как ползает по ней паук, выбирающий поживу. Разве не гнусные паучата все эти владельцы и совладельцы, сосущие кровь и заедающие плоть? Разве они потрудились несравнимо больше, чтобы выхватить отборные куски? Оставляя остальным отбросы? Что-то не так в этом мире, что-то не так.

В час полуночного безмятежья мимо шлагбаума, вдоль тусклой раздвоенности рельс Гайк подрулил к трамвайной остановке. Остановился и открыл дверцу, выпуская наружу женщину, не улетавшую в Париж и потом в Канны. И может быть, не улетавшую раньше ни в Амстердам, ни в Лондон, Варшаву, Мадрид, ни в другие города. Кто знает, куда ей вздумается еще?

Вблизи на скамейке в прежней позе спал бездомный бродяга. Гайк достал из багажника сумку, поставил на тротуар у ног девушки.

– Удачи, – пожелал он ей сокровенное, легко желаемое и себе.

Она собралась ответить, но раздался упругий свист. Гайк обернулся. Железнодорожный переезд, его пограничное двухполосье пересекал велорикша. Казалось, шлагбаум, поднятый над ним, благословлял финальную историю человечества. Гайк всмотрелся и поразился повторяемости, умножившей очарование случаев, – ведь он снова узнал Лендмайна.

– Привет, Гайк! – воскликнул Лендмайн, подъезжая. – Тебе не отвертеться, на этот раз благодетель – ты.

– О чем это, не пойму что-то, – ответил Гайк.

Лендмайн улыбнулся, подошел к девушке.

– Леди, дилижанс подан, – сказал он ей, осторожно помогая взобраться.

– Вон оно что... – удивился Гайк.

На скамейке зашевелился бродяга. Очнувшись, обнаружил сигареты и, нашарив в карманах зажигалку, закурил.

– Какая чушь, – пропыхтел он, затягиваясь. – Весь этот мир – дилижанс для сумасшедших. Вагон дерьма. Все вы – чокнутые.

– Заткнись, чучело! Откуда ты взялся? Тебя спрашивали? – вскипел Лендмайн, сжимая кулаки.

– Так и есть, ты и взаправду фугас. Остынь, – попросил его Гайк. – За пару дней столько изменений...

– Ты прав, не обижайся, дружище, – ответил Лендмайн, – жизнь не стоит на месте, и верно, давно не виделась. Слышал? Мисс Криста больше не мисс, теперь она миссис Флойхр, совладелица галереи своего мужа. Он у нее современный дедок, каким-то боком в игорном бизнесе и лихачит на спортивном «додже». Говорят, молодые отправились в свадебное путешествие во Францию, на какой-то Лазурный Берег. Мистер Флойхр напишет там свое лучшее полотно. А моя бесподобная леди, – снова улыбнулся Фугас девушке, – так и останется консультанткой вместо мисс Кристи. Спасибо, что ты не оставил ее в аэропорту.

Гайк молчал, нужно было переварить все отдельно, без никого.

– Ладно, все обошлось, – посмотрел на него Лендмайн. – Что делать, у нее иногда в голове шторм, недавно собралась вплавь до Лиссабона, старина Шон выловил ее из океана, попросил отвезти в больницу. Я подумал – зачем? Раз она осталась со мной.

Гайк кивнул, они разъехались.

Небосвод, льнувший к земле, стискивающий пространство над городом, вдруг разразился беспросветным ливнем. Гайк сквозь мельтешение стеклоочистителей, сквозь мутность и одновременно прозрачность окон видел, как по взлохмаченной дождем дороге уносится «дилижанс». Дай им Бог. Велорикша Лендмайн встретил вернувшуюся подругу.

Ливень прекратился стремглав, как и начался. Гайк оставил машину на стоянке, зашел в чайную, она уже закрывалась, подсчитал наличность. Оставалось впритык на чай, пахлаву и сигареты «Next», на этот раз короткие.

Щемящей брошенностью засветился окурок. Низкорослый маяк. Безлюдная набережная.

